

А. А. Гравин

К вопросу о социальном измерении концепции абсолютной мифологии А. Ф. Лосева*

УДК 1(470)(091)(092)
DOI 10.47132/2588-0276_2025_4_133
EDN JYCCLN

Аннотация: Вопрос о социально-философском измерении творчества Лосева и, в частности, его теории мифа может быть рассмотрен в двух перспективах. Биографическая перспектива учитывает особенности отношений Лосева к окружающей его социальной действительности. Философская перспектива подразумевает концептуальный анализ философской системы мыслителя с выявлением и реконструкцией присущих ей социального/политического/историософского содержания и телеологии. В статье рассмотрена вторая из указанных перспектив и осуществлена частичная реконструкция одной из социально-философских идей Лосева — социального измерения абсолютной мифологии.

Ключевые слова: А. Ф. Лосев, миф, диалектика, абсолютная мифология, политический исихазм, социальная мифология.

Об авторе: **Артем Андреевич Гравин**

Кандидат технических наук, старший научный сотрудник Междисциплинарного центра исследований европейской общественной мысли Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

E-mail: artemiosgravin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3357-6412>

Для цитирования: Гравин А. А. К вопросу о социальном измерении концепции абсолютной мифологии А. Ф. Лосева // Русско-Византийский вестник. 2025. № 4 (23). С. 133–140.

Финансирование: Исследование выполнено в Социологическом институте РАН — филиале Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01113, <https://rscf.ru/project/23-78-01113/>.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 10.08.2025; принята к публикации 15.08.2025.

---

* Статья подготовлена на основании отдельных тезисов доклада автора «Абсолютная мифология А. Ф. Лосева как политическая теология: pro et contra» на круглом столе «Алексей Федорович Лосев (монах Андроник) и традиция православного византизма. К 130-летию со дня рождения великого русского философа» 14 декабря 2023 г. (СПбДА). Ссылка на выступление: <https://www.youtube.com/watch?v=smmcHii28io> (с 1:53:53).

Artyom A. Gravin

**On the Social Dimension
of A. F. Losev's Concept of Absolute Mythology***

UDC 1(470)(091)(092)

DOI 10.47132/2588-0276_2025_4_133

EDN JYCCLH

Abstract: The question of the socio-philosophical dimension of Losev's work and, in particular, of his theory of myth, can be considered from two perspectives. The biographical perspective takes into account the peculiarities of Losev's relationship to the social reality that surrounded him. The philosophical perspective implies a conceptual analysis of the philosophical system of the thinker with the identification and reconstruction of its inherent social/political/historiosophic content and teleology. The article considers the second of these perspectives and partially reconstructs one of Losev's socio-philosophical ideas.

Keywords: A. F. Losev, myth, dialectic, absolute mythology, political hesychasm, social mythology.

About the author: **Artyom Andreevich Gravin**

PhD in Technical Sciences, senior researcher officer of the Interdisciplinary Center for the Study of European Social Thought of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; associate Professor of the Philosophy Department at the Institute of Human Philosophy of the Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen (Herzen University).

E-mail: artemiosgravin@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3357-6412>

For citation: Gravin A. A. On the Social Dimension of A. F. Losev's Concept of Absolute Mythology. *Russian-Byzantine Herald*, 2025, no. 4 (23), pp. 133–140.

Funding: The research was carried out in Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01113, <https://rscf.ru/project/23-78-01113/>.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 10.08.2025; accepted for publication 15.08.2025.

---

* This article is based on selected theses from the author's presentation "A. F. Losev's Absolute Mythology as Political Theology: Pro et Contra", at the roundtable discussion "Alexei Fedorovich Losev (Monk Andronicus) and the Tradition of Orthodox Byzantinism. On the 130th Anniversary of the Birth of the Great Russian Philosopher", held on December 14, 2023 (St. Petersburg Theological Academy). Link to the presentation: <https://www.youtube.com/watch?v=smmcHli28io> (starting at 1:53:53).

Введение

Становление философии Алексея Федоровича Лосева пришлось на эпоху политических потрясений и практической реализации одного из утопических проектов «преображения» социальной действительности. По ряду причин Лосев не стал пассажиром «Философского парохода» и, вместе с некоторыми другими мыслителями (такими, как отец Павел Флоренский), остался в Советском Союзе, «верной дорогой» двигавшемся к «Великому перелому».

В такой ситуации Лосев *volens nolens*¹ был вынужден осуществить рефлексию относительно происходивших социально-политических процессов. Отчасти в связи с этим лосевским работам 1920–1930-х гг. (первое «восьмикнижие» и хронологически примыкающие к нему книги и статьи) был свойственен анализ социального контекста, который предполагает та или иная идея². Об этом свидетельствуют уже названия текстов того времени: «Социальная природа платонизма», «Логика исчисления бесконечно-малых как отражение социальной действительности», etc. Социальная философия неизбежно вписывалась в лосевскую идею «высшего синтеза», сочетающего в себе многочисленные проявления человеческой деятельности (математика, музыка, язык, etc.). «Социальное» здесь оказывалось своего рода ставшим бытия всякой культуры — в том числе современной Лосеву.

В 1920-е гг. официально принятая государством идеология постепенно ограничивала относительное разнообразие точек зрения в среде церковных и светских интеллектуалов. Однако некоторые философские и богословские дискуссии продолжались как в официальных организациях, так и в неформальных кружках. В этот период Лосев работал в государственных академических учреждениях (ГАХН, ГИМН)

Алексей Федорович Лосев с супругой Валентиной Михайловной — заключенные Белбалтлага. Медвежья Гора, 1932 г.

Вырезан портрет отца В. М. Лосевой, М. В. Соколова, приезжавшего их навестить

¹ Волей-неволей (*лат.*).

² Ситуация не поменялась и в более поздние периоды творчества мыслителя.

и в то же время поддерживал общение с церковным «подпольем» (оппозиционно настроенными к Декларации 1927 г. деятелями), являлся активным участником московского имяславского кружка (куда входили также В. М. Лосева-Соколова, М. А. Новоселов, Д. Ф. Егоров и др.), принял вместе с супругой монашеский постриг и был арестован по делу о церковно-христианской монархической организации «Истинно православная церковь».

Все это говорит о «многослойности» личности Лосева, «символически» сочетавшего внешнее и изменчивое (нередко ироничное и агрессивное) с внутренним неизменным. «Что же со мною делать, — писал в 1934 г. Лосев, — если я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком, если даже все эти противоположения часто мне кажутся наивными? Если уж обязательно нужны какие-то ярлыки, вывеска, то я, к сожалению, могу сказать только одно: я — Лосев!»³

Социальное измерение теории мифа Лосева

Вопрос о социально-философском измерении творчества Лосева может быть рассмотрен в двух перспективах: биографической, учитывающей все тонкости отношений Лосева к социальной действительности, окружавшей его в разные периоды жизни; и узко-философской, подразумевающей концептуальный анализ его философской системы с выявлением и реконструкцией присущих ей социального/политического/историософского содержания и телеологии. В настоящей работе мы сосредоточимся на второй из указанных перспектив.

Отсутствие у Лосева отдельного исследования по социальной философии⁴, где бы он поставил все точки над *i* по поводу этой проблематики, открывает перспективы для идеологической интерпретации социального измерения его мысли — как в правом, так и в левом ключе⁵. Такой исследовательский ход возможен в перспективе реконструкции биографии мыслителя, но является ли он адекватным философии Лосева — большой вопрос.

Нам представляется, что одним из способов приблизиться к выявлению социального измерения лосевской системы может быть обращение к его теории мифа и к ее основной новации — идее абсолютной мифологии. Для этого мы обратимся к работе «Диалектика мифа» и тексту доступных в настоящее время отрывков «Дополнения к „Диалектике мифа“». Выявление социального измерения концепции абсолютного мифа может прояснить имплицитно выраженную в лосевских работах социально-философскую позицию.

В настоящей работе мы выявим основной гипотетический тезис относительно социального измерения лосевской концепции абсолютной мифологии. Его верификацию мы планируем осуществить в виде отдельной публикации. В фокусе нашего внимания лежит следующий вопрос: если абсолютная мифология⁶ есть

³ Лосев А. Ф. История эстетических учений // *Его же. Форма — Стиль — Выражение*. М.: Мысль, 1995. С. 356.

⁴ В настоящее время отсутствует также и монография, обобщающая социально-философские идеи Лосева.

⁵ Обе интерпретации могут быть сконструированы на основании отдельных цитат из теоретических работ и прозы мыслителя. Например: «Едва теплящаяся лампадка вытекает из православной догматики с такой же диалектической необходимостью, как царская власть в государстве» (Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: ЯСК; Гнозис, 2022. С. 102.), — с «правой» стороны. Или: «Родина есть бесклассовое общество» (*Его же. Жизнь // Его же. «Я сослан в XX век...»*: В 2 т. Т. 1. М.: Время, 2002. С. 546), — с «левой».

⁶ См. краткое определение: «...абсолютная диалектика, или, что то же, абсолютная мифология, в своей окончательной формулировке есть Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Св., Троица единосущная и нераздельная, неисповедимо открывающая Себя в своем Имени» (Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». С. 102).

интеллектуальный и мистический телос мысли Лосева, то какой социальный образ предполагает абсолютный миф?

Одно из определенных мифа у Лосева звучит как «в словах данная личностная история»⁷. При этом речь здесь идет не об истории как последовательной совокупности фактов. Миф «...не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть слово. А в слове историческое событие возведено до степени самосознания»⁸.

Абсолютный миф предполагает абсолютную (священную) историю, только в некоторой мере когерентную привычной нам «земной» истории. Соответственно, образ абсолютного мифа оказывается здесь историчным и над-историчным одновременно. Поэтому любая эпоха со всеми ее измерениями (в том числе социальным) оказывается в свете абсолютного мифа — то есть в перспективе принципиально другого бытия.

В связи с этим социально-философская позиция Лосева в его теории мифа сочетает в себе две основных стратегии. С одной стороны, «Диалектика мифа» и «Дополнение к „Диалектике мифа“» содержат звучащие злободневно (для того времени) высказывания, осуждающие церковную лояльность по отношению к советской власти⁹, а также множество открыто антисоветских и промонархистских заявлений. В разделе «Возможные типы мифологий» Лосев даже определяет абсолютную мифологию в виде конкретной социально-исторической формы: «...только одно византийско-московское православие и есть абсолютная мифология»¹⁰. С другой стороны, несколькими страницами выше Лосев утверждает: «...абсолютному мифу противостоят и христианство, и иудаизм, и их ново-европейские детища как нечто диалектически целое»¹¹. Согласно философу, абсолютный миф оказывается отрешенным¹² от «земной» истории и одновременно воплощенным в ней — на разных ее этапах в разной степени: «...абсолютная мифология должна быть как бы нормой, образцом, пределом и целью стремления для всякой иной мифологии»¹³.

В соответствии с выведенными Лосевым формулами, абсолютная мифология сочетает в себе абсолютное и относительное¹⁴ и потому антиномична. Таким образом, абсолютный миф предполагает в собственном историческом воплощении относительный полиморфизм (в том числе и в социальном смысле).

Как уже было отмечено, по Лосеву, наиболее адекватным «земным» воплощением абсолютного мифа предстает средневековая «византийская» мифология («византийско-московское православие»), но в то же время абсолютный миф ею не исчерпывается и к ней не сводится. Если использовать лосевскую терминологию, можно сказать, что это воплощение также является меонизированным и относительным, то есть абсолютизирующим какой-то из аспектов «земного» бытия. Это положение является принципиальным при анализе социального измерения философии Лосева. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкий вполне правомерно во вступительной статье к новому изданию «Диалектики мифа» предостерегают от буквалистского «черносотенного»¹⁵ прочтения отдельных частей книги. В этом смысле «Диалектика

⁷ Там же. С. 591.

⁸ Там же. С. 197.

⁹ См.: «...благополучно здравствует и доселе митрополит, который — вполне в ногу с пролетариатом — в специальном послании объявляет советские „радости“ церковными „радостями“» (Там же. С. 266).

¹⁰ Там же. С. 591.

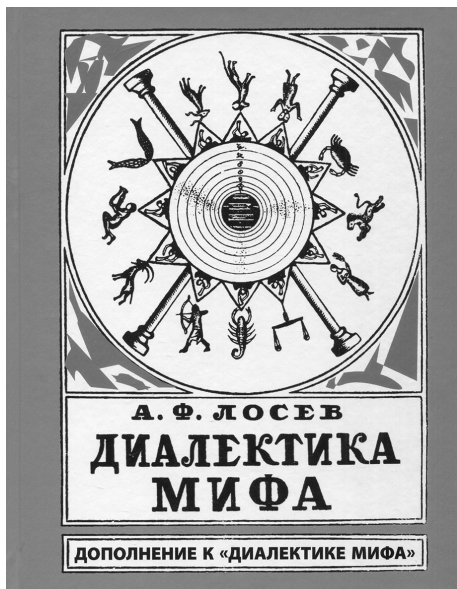
¹¹ Там же. С. 577.

¹² См. об отрешенности как важнейшем признаке мифа по Лосеву: Троицкий В. П. «Отрешенность»: философский топос Плотина, Майстера Экхарта, М. Хайдеггера и А. Ф. Лосева // Абсолютная мифология в эпоху «великого перелома»: к 90-летию издания «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева: материалы международной научной конференции XVII «Лосевские чтения». М.: МАКС Пресс, 2021. С. 91–98.

¹³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». С. 244. Курсив здесь и далее наш — А. Г.

¹⁴ Там же. С. 256.

¹⁵ Там же. С. 31.

«Диалектика мифа» и «Дополнение к „Диалектике мифа“» А. Ф. Лосева. Современное издание (2022)

трансцендентного в имманентном), этот образ должен быть одновременно адекватным своему выражаемому и принципиально не исчерпывать его. Соответственно, он должен быть как причастен историческому процессу, так и не быть обусловленным каким-либо его периодом. В связи с этим возникает вопрос: какой же тип социальных отношений предполагал абсолютный миф, по Лосеву, и можно ли, учитывая предполагаемую антиномичность, его как-то определить?

Ответ на этот вопрос, как нам представляется, обнаруживается в «Диалектике мифа». Лосев не приводит его в прямом виде, и потому наши рассуждения отчасти являются реконструкцией. Социальной формой, причастной «византийской» и абсолютной мифологии — то есть христианству в его историческом и мистическом над-историческом (эсхатологическом) измерениях, по Лосеву, является монашество: «Каким социальным же орудием отвечает оно [христианство] на всякую буржуазную мифологию? Монашеством. Монашество — антипод *всякого земного устройства*. Монаху ничего не нужно кроме Бога, и никакая земная ценность не может для него иметь никакого значения. <...> Монашество — единственный и подлинный аристократизм духа. Только он понимает тайну земных устремлений»¹⁸.

Вся история, все ее значительные и малозначительные феномены, любые культурные и цивилизационные формы оказываются для абсолютной мифологии (и, как следствие, для монашества) значимыми и пронизанными промыслительным действием Абсолюта: «В христианстве, вырастающем на культе абсолютной Личности, персоналистична и исторична всякая мелочь»¹⁹. Лосев подчеркивает, что «...в особенности опыт мистического историзма ощущается христианским монашеством. Для монаха *нет*

мифа» не есть трактат по политической теологии (в институциональном ее смысле), но в ней, несомненно, содержится теология/ философия политики и общества¹⁶.

В «Диалектике мифа» Лосев приводит четырнадцать антиномий бытия мифа, среди которых с социально-философской точки зрения наиболее показательной оказывается антиномия индивидуализма и социализма¹⁷, синтезирующихся в религии. Поэтому социальное воплощение абсолютного мифа в виде абсолютной религии не может быть детерминировано крайностями или анархии и диктатуры, примата частного или обще-коллективного, но также не может быть и статично зафиксировано в какой-то точке «между». Оно как бы распределяется на внешнее и изменчивое (подчеркивающее относительность), а также внутреннее и неизменное (связанное с абсолютным).

Абсолютный миф, будучи также абсолютным символом, предполагает «земной» социальный образ собственного воплощения. Согласно исповедуемой Лосевым символистской логике (непрямое выражение

¹⁶ В том же ключе С. С. Хоружий отмечал проблематичность использования термина «политический исихазм» — Хоружий С. С. Исихазм и «политический исихазм»: к уточнению понятий // *Его же. Исследования по исихастской традиции*: В 2 т. Т. 2. Многогранный мир исихазма. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 438–444.

¹⁷ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». С. 251.

¹⁸ Там же. С. 194.

¹⁹ Там же.

безразличных вещей. Монах все переживает как историю, а именно как историю своего спасения и мирового спасения. Только монах есть универсалист в смысле всеобщего историзма, и только монах исповедует историзм, не будучи рабски привязан к тому, что толпа и улица считает „историей“»²⁰.

Отметим, что такое диалектическое понимание социальной причастности монашества «земному» и «небесному» одновременно, с превалированием последнего, соответствует онтологической формуле «византийской» мифологии из разработанной Лосевым типологии мифов²¹: синтез «идеального» и «реального», данный «идеально» с приматом «идеального»²². Примат «идеального»/«небесного» в этой формуле предполагает возможность сверх-исторического бытия монашества: «Может ли кто-нибудь [кроме монаха] увидеть историю, подлинную, настоящую историю духа, со своими революциями и войнами, неизвестными миру, — в блаженном безмолвии тела и души <...> в благоуханной молитве отверстого сердца?»²³

Таким образом, согласно нашей реконструкции лосевской мысли, мы могли бы выдвинуть следующий гипотетический тезис: монашество, по Лосеву, является социальной формой «земного» воплощения абсолютного мифа и сочетает в себе социальность и историчность, а также над-социальность и над-историчность, индивидуализм и социализм. При этом оно не связано напрямую с какой-либо конкретной институциональной формой, хотя и находит свое наиболее яркое воплощение в «византийском» мифе: «...монастырь только и может быть крепостническим обществом»²⁴. Тем не менее, принципиальное символическое нетождество монашеского и мирского предполагает как его (монашества) культурный индетерминизм, так и имплицитное идеальное неотмирное содержание: «Монашество — создание первых веков христианства, ибо абсолютная религия не могла уже с самого начала не заметить, что мир направлен в сущности против нее»²⁵.

Заключение

В заключение коснемся немного биографической перспективы рассматриваемой проблематики. Время жизни Лосева не предполагало возможности «подобного» (в неоплатоническом смысле) социального символа абсолютной мифологии — позднеантичного или средневекового монастыря. Однако окружающие его условия позволили (при всех биографических перипетиях) воплотить в жизнь «неподобный» символ. Идея абсолютной мифологии и ее практическое воплощение в монашестве

А. Ф. Лосев (монах Андроник) в своей неизменной черной шапочке, 1965 г. Некоторые полагали, что ее ношение — академическая традиция.

Но это была монашеская скуфья, которую Лосев надел после тайного пострига в 1929 г.

²⁰ Там же.

²¹ Подробнее см.: Гравин А. А. Типология мифов А. Ф. Лосева: реконструкция схемы и основных принципов // Платоновские исследования. 2024. Т. 20, № 1. С. 312–333.

²² Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». С. 572.

²³ Там же. С. 194.

²⁴ Там же. С. 308.

²⁵ Там же. С. 403.

не стали для Лосева только отвлеченным философским построением. Как известно, уже в 20-е гг. мыслитель принял (совместно с супругой) тайный монашеский постриг и решил осуществлять свой подвиг «в миру». Внешне этот путь был и остается отличным от привычного нам образа средневекового подвижника, однако, как было отмечено, над-историчность концепции монашества как социального воплощения абсолютного мифа и не предполагала статичной фиксации его формы — территориально «в миру» или не «в миру». Одна из ведущих лосевоведов В. И. Постовалова в работе «„Монастырь в миру“ и его культурно-исторические лики» подчеркивает, что Лосев в своей жизни осуществил «соединение монашеской келии и ученого кабинета, где даже само философское творчество метафорически воспринимается через призму Пустыни как „диалектический монастырь“»²⁶. Эта своеобразная социальная форма стала способом бытия мыслителя в современных ему относительных мифологиях и воплощением его стремлений к абсолютному мифу.

Вопрос о социальном измерении концепции абсолютной мифологии Лосева нуждается в дополнительном исследовании. В частности, существенным представляется его анализ в контексте дискуссий о политическом исихазме в отечественной гуманитарной науке, а также в перспективе европейской политической теологии XX в. и присущих ей споров о возможности корреляции теологического и политического типов бытия.

Если обобщить наши краткие размышления относительно социального образа абсолютного мифа Лосева, то на данном этапе важно зафиксировать символический (в смысле онтологического, а не условного символа) статус монашества как социальной формы «земного» бытия абсолютного мифа — всегда причастного к общению с Абсолютной личностью и находящего форму этого общения в перспективе всякой относительной мифологии.

Источники и литература

1. Гравин А. А. Типология мифов А. Ф. Лосева: реконструкция схемы и основных принципов // Платоновские исследования. 2024. Т. 20, № 1. С. 312–333.
2. Лосев А. Ф. Жизнь // Лосев А. Ф. «Я сослан в XX век...»: В 2 т. Т. 1. М.: Время, 2002. С. 504–554.
3. Лосев А. Ф. История эстетических учений // Лосев А. Ф. Форма — Стиль — Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 321–404.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: ЯСК; Гнозис, 2022. 696 с.
5. Постовалова В. И. «Монастырь в миру» и его культурно-исторические лики (материалы к богословию православной аскезы) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2012. № 3. С. 46–81.
6. Троицкий В. П. «Отрешенность»: философский топос Плотина, Майстера Экхарта, М. Хайдеггера и А. Ф. Лосева // Абсолютная мифология в эпоху «великого перелома»: к 90-летию издания «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева: материалы международной научной конференции XVII «Лосевские чтения». М.: МАКС Пресс, 2021. С. 91–98.
7. Хоружий С. С. Исихазм и «политический исихазм»: к уточнению понятий // Хоружий С. С. Исследования по исихастской традиции: В 2 т. Т. 2. Многогранный мир исихазма. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 438–444.

---

²⁶ Постовалова В. И. «Монастырь в миру» и его культурно-исторические лики (материалы к богословию православной аскезы) // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2012. № 3. С. 64.